

---

## **«ТОРГОВЛЯ ПОЗОРом», ИЛИ «ЗАВЕДЕНИЯ НАСЛАЖДЕНИЯ»: ДОМА ТЕРПИМОСТИ В СОЦИАЛЬНО-СЕРВИСНОЙ СФЕРЕ ГОРОДОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ В НАЧАЛЕ XX В.**

**Т.В. Паликова**

Кафедра истории Отечества  
Бурятский госуниверситет  
*ул. Смолина, 24а, Улан-Удэ, Республика Бурятия, 670017*

В статье на основе законодательных актов и некоторых ранее неопубликованных архивных материалов рассмотрена проституция как специфическая структурная единица социально-сервисной сферы городов Забайкалья начала XX в.

**Ключевые слова:** социально-сервисная сфера, проституция, элемент структуры, города Забайкалья, начало XX в.

Социально-сервисная сфера в современном понимании — сеть предприятий обслуживания и развлечений — в забайкальских городах начала XX столетия еще только зарождалась. Иначе и быть не могло: из 8 городов, расположенных на территории Забайкальской области, 6 считались малыми, и, по большому счету, не нуждались в сервисной инфраструктуре, исключая Нерчинск, находившийся на Амурской железной дороге, и Троицкосавск, все еще являвшийся центром русско-восточной торговли. Лишь города, расположенные по линии Транссиба, перешедшие в начале века в разряд средних (Верхнеудинск) и больших (Чита), со значительным миграционным притоком имели достаточное социальное пространство для развития сервисной службы.

Основными/традиционными предприятиями обслуживающей отрасли в городах Забайкалья были акцизные питейные (ренсковые погреба, пивные) и трактирные заведения, постоялые двory. В последней трети XIX в. стали появляться «торговые» бани, гостиницы и комнаты для приезжающих, заведения общественного питания, парикмахерские, швейные мастерские и салоны модисток, часто низкого качества. Так, по данным податного инспектора Верхнеудинско-Баргузинского участка Забайкальской области, в 1897 г. в Верхнеудинске насчитывалось 3 ренсковых погреба, трактирное заведение, 2 гостиницы, меблированные комнаты (2), более 50 постоялых дворов, по неполным данным за 1905 г. здесь было 4 пивных, 2 буфета, гостиница, 2 столовых, кухмистерская, чайная, баня. В это же время в Чите работали 2 гостиницы, 13 номеров для проезжающих, постоялый двор, 3 харчевни, 3 трактира, ресторан, 3 чайных, 25 ренсковых погребов и 10 пивных (1). Однако в городах, построенных по усадебному принципу, основной цикл санитарно-гигиенических и иных сервисных практик осуществлялся большей частью горожан самообслуживанием. Люди состоятельные удовлетворяли свои потребности, нанимая прислугу, а также имели возможность сначала пополнять гардероб у собственных портных в центральных городах России, выписывать предметы одежды из-за границы, затем приобретать наряды и аксессуары ведущих европейских (польских, парижских) брендов в специализированных магазинах крупных торговых фирм. В забайкальских городах, и прежде всего в Верхнеудинске и Чите, развивался ресторано-гостиничный сервис, нацеленный на об-

служивание и развлечение горожан и гостей. Одновременно динамично развивалась такая специфическая отрасль социально-сервисной сферы, как проституция, которую мы и хотели исследовать в данной статье.

Проституция существовала всегда, историкам известны различные ее формы, начиная с храмовой проституции. На волне эмансипации во второй половине XIX в. она становится предметом особого внимания общества, государственной регламентации и научного изучения. Исследователей интересовала история этого феномена, были определены понятия *проституция* («продажа каждому желающему тела женщины ею самою для разврата за определенное денежное вознаграждение» [И. Приклонский]) и *проститутка* («женщина, отдающая себя явно, без выбора, за деньги...» [В. Тарновский]) (2). Предпринимались попытки выявления причин и свойств, «которые делают это явление стойким, одинаковым во всех обществах, у всех народов и при всех самых разнообразных и противоположных условиях». Если В. Тарновский, автор только что процитированных строк, проводя довольно масштабные антропометрические замеры, считал такими биологические причины, то Б. Бентовин стоял на четких позициях социального происхождения проституции, определяющим стимулом развития которой являются «материальные невзгоды», а Д. Бородин приходит к мысли о том, что процветанию заведений «наслаждения» во многом способствовало пьянство. В ходе широких исследований были изучены социальный, национальный состав женщин, пути поступления и условия содержания в домах терпимости, а также возможность возвращения девушек к честному труду (3). В нашу задачу не входит подробный историографический обзор, нам важно, что к концу века проституция стала привычным явлением, особенно в крупных городах, официально разрешенным, хотя и порицаемым, способом заработка, активно развиваясь на рубеже веков.

Противоречивое отношение к проституции на уровне государства (законодательно разрешенный вид деятельности, с одной стороны, с другой — ограничение женщин в гражданских правах, в частности им запрещалось «ходить на гуляньях и в общественных местах по несколько вместе, а также занимать в театрах место в бельэтажах или в первых рядах кресел партера», но главное — замена паспорта «желтым билетом» — «символом прикрепления женщины к проституции») (4) проявляло себя в забайкальской городской статистике, где в «росписях» профессионального состава городов такая профессия значилась только в Верхнеудинске, и в отношении общества («Представление о проституции как о позорном занятии — весьма стойкий стереотип городского менталитета конца XIX — начала XX в.») (5), при этом она не только драматизировалась, но и романтизировалась в произведениях Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.И. Куприна и др).

Социальное поле большинства забайкальских городов было узким, и занятие проституцией, даже тайной, было невозможным (слишком низким был численный состав населения, а городские поселения были похожи на «большие деревни» с соответствующим менталитетом жителей). Поэтому имеющиеся в нашем распоряжении сведения относятся исключительно к Чите и Верхнеудинску, хотя,

по данным переписи 1897 г., в городах Забайкалья насчитывались 21 женщина и 1 мужчина, занимавшиеся проституцией (12 в Чите, 2 в Троицкосавске, остальные в Верхнеудинске) (6).

Регламентация деятельности публичных домов относится к XIX в., во второй трети века создан Петербургский врачебно-полицейский комитет (ВПК). В городах Забайкалья такие комитеты были учреждены только в конце столетия. Исходя из названия, комитет подразделялся на врачебный и полицейский штаты. В состав входил городской врач, член-распорядитель — полицеймейстер и подчиненные ему «члены полиции», на которых ложился широкий круг обязанностей. *Инструкция члену-распорядителю* предписывала наблюдение за публичными домами и за женщинами-одиночками. На комитет возлагалось право открытия/закрытия заведения, сбора информации о хозяйках заведений, составление списков женщин, занимающихся проституцией, как в домах терпимости, так и одиночек (причем запрещалось указывать «женщин или девиц» моложе 18 лет, как и допускать их в эту сферу занятий), наблюдение за здоровьем «жриц любви» и выдачу им специальных книжек.

В соответствии с положением о ВПК были утверждены Правила для содержательниц публичных домов (1844, 1861), а 8 октября 1903 г. в действие вступили новые *Правила для проституток, содержательниц домов терпимости и поднадзорных притонов разврата*, определившие их права и обязанности (7). Рассмотрим их.

По *Правилам* содержать публичный дом могли исключительно женщины не моложе 35 лет при наличии пакета документов с обязательным свидетельством местной полиции о благонадежности претендентки и письменным согласием владельца дома, в котором предполагалось открыть заведение, с заключением контракта, действие коего прекращалось при закрытии заведения администрацией. Чаще всего будущие хозяйки домов терпимости старались соблюдать возрастной ценз: мы встретили только два отклонения прошений по этому критерию (8). Известны факты, когда женщины, не имевшие права на открытие заведений, прибегали к обману ВПК, используя либо чужие документы, либо подставных лиц. В 1907 г. П.Д. Соколова воспользовалась паспортом своей горничной крестьянки Иркутской губернии Е.И. Медведевой (без согласия последней), получив на ее имя свидетельство на открытие в Верхнеудинске японского дома терпимости на 10 проституток, а в 1909 г. читинский ВПК отклонил просьбу о переходе дома терпимости Е.С. Качиной «со всею обстановкою» к киренской мещанке С. Гардон, так как, по сведениям полиции, она являлась «лицом подставным» — «находилась в услужении у Качиной» (9). Случалось и так, что «хозяйка», на чье имя выдано свидетельство, проживала вообще в другой губернии, бывала «в заведении наездом», а делами управлял ее компаньон(ка), который, скорее всего, и был реальным владельцем заведения: из 9 читинских домов терпимости, находившихся в списке ВПК 1908 г., таких значится три (10).

Благонадежность содержательниц определялась запросом в полицейское управление по месту их приписки. Однако если владелица, обязанная жить при за-

ведении, проживала совместно с мужем (в отдельном помещении, *Правила* это допускали), то полиция устанавливала и благонадежность мужа. Так, крестьянке Томской губернии Каинского уезда, с. Верхнее-Красноярское В.А. Пономаревой, имевшей свидетельство на содержание проституток, верхнеудинским ВПК в открытии заведения было отказано по причине беспатентной торговли спиртными напитками ее мужем (11).

Особое внимание уделялось месту расположения заведений: публичные дома должны быть удалены от церквей, училищ, школ, общественных учреждений не менее как на 150 саж. с обязательным входом со двора. В 1903—1904 гг. верхнеудинские содержательницы получили отказ об устройстве заведений: в первом случае, «в виду того, что местность, где находится дом... составляет центр города и вблизи этого дома береговая дамба служит местом прогулки публики», во втором — «по причине нахождения его на расстоянии не более 50 саж. от здания Общественного собрания» (12). Для удобства наблюдения за публичными домами и «сохранения общественного спокойствия» их старались сосредоточить в одном месте: в Чите на Сенной площади, в Верхнеудинске на новой Графской улице.

Как показывают архивные документы, открытию заведений предшествовало изучение местного рынка услуг (в заявлениях встречается фраза «...находясь проездом в вашем городе, я узнала...»). По своему социальному составу среди подававших прошения доминировали крестьянки (65%), из них на представительниц сибирских губерний приходится 73,3% (в том числе из Забайкалья 26,4%). Среди горожанок только 25% местных жительниц. О социальном составе содержательниц домов терпимости судить сложно из-за частой смены владельца или из-за элементарного отсутствия данных. Известно, что из 7 читинских заведений в 1908 г. 3 владелицы были мещанками, 3 — иностранными подданными (японки) и только одна крестьянка. Значительный перевес представительниц других губерний имеет, на наш взгляд, ряд обстоятельств, заставлявших желающих отправляться в другие местности: насыщенность поля сексуальных услуг в родных губерниях и, как, следствие, высокая конкуренция для начинающих или расширение собственной сети заведений для успешных предпринимательниц, а, возможно, и простое желание начать бизнес на новом месте без шлейфа «скандальной» известности.

Как замечает В. Окроков в своем исследовании: «Торговля позором падших девушек есть настоящая отрасль промышленности, дающая большие барыши предпринимателям» (13). Поэтому всегда находились желающие открыть подобные заведения. Судя по числу поданных прошений, пик интереса к «отрасли» пришелся на 1907—1910 гг., когда в верхнеудинскую городскую управу поступило 22 заявления (1907—1908), а на каждом заседании читинского ВПК обсуждались два-три прошения. Более того, в Чите количество желающих было столь велико, что ВПК ввел очередность на открытие домов терпимости. Разрешения выдавались при наличии вакансии, то есть «по закрытии [домов терпимости] из существующих в городе» (14). Высокую доходность предприятия и активное развитие «службы» подтверждают ходатайства владелиц об увеличении количества про-

ституток в них (15). И это притом, что Россия примкнула к Парижскому международному соглашению (18 мая 1904 г.) и к дополнявшей его международной конвенции (4-го мая 1910 г., Париж) о «подавлении торговли девушками» (16).

Следует сказать и о том, что не только содержание проституток приносило большие доходы, оно было выгодно и для владельцев помещений, сдававшихся в аренду. Например, жители Старой Теребиловки (Чита) обратились в ВПК с требованием о перенесении домов терпимости из района Сенной площади в их район. В последнем прошении от 30 апреля 1909 г. свое пожелание домовладельцы мотивировали «крайней обложенностью налогами». Из договора, заключенного в 1905 г. между верхнеудинским мещанином Е.М. Фишером и крестьянами Вятской губернии В.Я. Козловым и Виленской губернии М.И. Дасисом о сдаче в аренду принадлежащей ему части усадьбы, явствует, что аренда под меблированные комнаты или торговые помещения на 1 год обходилась арендаторам в 200 руб. в месяц, при открытии дома терпимости — в 300 руб. (17).

В местах концентрации заведений владельцы земельных участков строили здания, специально приспособленные под публичные дома. Так, если в 1904 г. инородка А.П. Межова для открытия заведения избрала новый дом с флигелем, в котором еще нужно было устроить отдельные комнаты и «переустроить» печи (не по Графской улице), то новый дом Молдовара по Графской в первом этаже имел «2 двери с улицы и ограды, 10 номеров, в каждом по одному окну, зало» и переднюю, каждый номер занимал не менее 1,5 кв. саж., а во втором этаже — «8 номеров, зало и кабинет, всего 17 окон, 2 входные двери» (18).

Таблица

**Число домов терпимости и проституток в Чите и Верхнеудинске в 1908—1913 гг.**

Статистика	Чита			Верхнеудинск		Всего	
	1908	1910	1913	1908	1910	1908	1910
Число заведений	7	10	9	4	—	11	10
Из них иностранных	3	3	3	1	—	4	3
Число проституток	55	86	—	46	80	101	166
Из них иностранок	20	14	—	6	—	26	14

*Примечание.* Составлено по: ГУ ГАЗК. — Ф. 261. — Оп. 1. — Д. 277. — Л. 6, 9—94; Ф. 19. — Оп. 1. — Д. 239. — Л. 58—60; ГУ НАРБ. — Ф. 337. — Оп. 2. — Д. 808. — Л. 101.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что в 1908 г. количество «свободных женщин» выросло по отношению к 1897 г. почти в пять раз. Вместе с тем, если в Чите за два года коэффициент прироста составил 1,6, то в Верхнеудинске — 1,7. Такое значительное увеличение девиц, на наш взгляд, имеет несколько причин: местоположение, статусность и, как следствие, определенный набор функций, выполняемый городом: Чита — административный, экономический и военный (Забайкальское казачье войско) центр области, Верхнеудинск — транспортный узел, расположенный на пересечении железнодорожного, грунтовых, водных путей, крупнейший в Забайкалье торгово-ярмарочный центр, место дислокации войсковых подразделений. Для обоих городов характерно преобладание мужского населения над женским. Несмотря на естественную востребо-

ванность в данном занятии, удельный вес этой группы женщин незначителен и составил в Чите — 0,004, в Верхнеудинске — 0,01 (1910), что существенно уступает другим сибирским городам (например, в Омске в 1897 г. — 0,29, в Томске в 1911 г. — 0,24 (19)).

Среди причин попадания женщин в публичные дома уже современники выделяли: материальные затруднения, дефлорацию, лень, обман. В первых трех случаях женщины приходили сами, последний путь пополнения заведений имел варианты. В архивных фондах сохранились истории поступления девушек в публичные дома Читы. В первом случае три девушки (крестьянки А.К. Шероглазова, Т.Н. Селецкая, А.И. Яковлева) были наняты в Иркутске двумя компаньонками для работы в качестве прислуги в богатые дома Читы, где по прибытии оказались проданными в дом терпимости Матвеева (1904). Еще одна «девица несовершеннолетняя» приведена обманным путем в дом Кузиной и силой удерживалась там в течение 3 месяцев (1909) (20). Обманутых девушек можно было удержать только силой: они оказывались под неусыпным контролем со стороны «старых проституток» и служителей заведения, а страх телесного наказания (резиновые кнуты с концами, окованными железом) и «каталажки» примирял их с положением. Непокорных могли обвинить (с подачи хозяина) в тайной проституции и посадить в «каталажку», заменить паспорт «проходным свидетельством». Это было повсеместной практикой: «Как самым могучим фактором к обузданию всякого протеста со стороны обманутой и опозоренной девушки хозяева публичных домов пользуются угрозой „помаранного паспорта“» (21). В первом деле есть один немаловажный факт: хозяин дома терпимости Матвеев имел связи в полиции, к которым неоднократно прибегал в случае наказания проституток, а при необходимости и посетителей (на то, что полиция оказывала «полное покровительство» домам терпимости в городах Западной Сибири, указывает А.Г. Быкова). Еще в конце века протест девушек и возможность ухода были немыслимы, так как закон оказывался на стороне хозяина. Правила для содержательниц публичных домов (28 июля 1861 г.) гласили: «§ 54. Женщина, находящаяся в публичном доме, если пожелает обратиться к честной жизни, может, не заплатив долга хозяйке, оставить публичный дом, но не иначе как доказав свое желание исправиться, пробыв положенное время в общине сестер милосердия или в другом подобном учреждении»; по новым правилам 1903 г. женщинам дано право «оставлять дом терпимости во всякое время» без каких-либо условий. Денежные претензии по счетам между проституткой и содержательницей подлежали судебному разбирательству и не были препятствием к оставлению дома терпимости. Забегая вперед, скажем, что этим правом в 1909 г. воспользовались 29 женщин читинских публичных домов, из них 6 иностранок (22). В данном конкретном случае все обошлось благополучно, девушкам, обратившимся за защитой к военному губернатору, не только вернули паспорта, но и отправили в места приписки.

Трудно сказать, каким образом поступали в публичные дома другие проститутки, сведений об этом нет, но, учитывая, что большая часть женщин, занесенных в списки ВПК, из крестьянок, причина была экономическая, хотя не стоит исключать и другие. В Верхнеудинске крестьянки составили 76,1%, мещанки —

15,2% и казачки — 0,02% (последние не встречаются в статистических данных, известных нам, ни по Центральной России, ни по Западной Сибири). По месту приписки женщины представлены так: 54,2% — представительницы сибирских губерний (до 53,8% из Иркутской губернии), 12,5% — из губерний России, столько же подданных Японии, остальные 20,8% — из Западного Забайкалья, причем 50% — из Селенгинского уезда (23). Почти то же соотношение наблюдалось и среди читинских одиночек (1908: 62,5; 20; 20% соответственно). Крестьянки — основной контингент публичных домов и в России. Так, на 1 августа 1889 г. во всех губерниях и областях Российской империи, исключая Великое княжество Финляндское, под врачебно-полицейским надзором находилось 17 603 проститутки, включая уличных, из которых 47,5% относились к крестьянкам, 36,6% — к мещанкам. В Петербурге «поднадзорная проституция» за 1891—1893 гг. состояла из 47,6% крестьянок, 30,1% мещанок, процент остальных страт незначителен, а в 1914 г. деревенских девушек было уже 70% (24). Резкое увеличение в конце 1910-х гг. в рядах проституток числа крестьянок отмечается и в городах Западной Сибири. «И это явление, — пишут Н.Б. Лебина и М.В. Шкаровский, — можно назвать закономерным. Соблазн большого города сильнее всего действовал на людей, впервые с ним столкнувшихся. И чем мощнее становились миграционные потоки, тем больше усложнялся процесс адаптации приезжих к новым условиям жизни в городе» (25).

Не стоит забывать и о том, что большая часть деревенских девушек работала в городе в качестве прислуги и подвергалась всевозможным рискам: насилию со стороны хозяев, потери места, что в условиях высокого предложения лишало всяких средств к существованию. Не последнюю роль играл низкий уровень образования, а порой и невладение элементарной грамотностью (в Забайкалье еще и в 1910-х гг. общий уровень грамотности составлял 15%), и, как следствие, некритическое отношение к реальной ситуации, восприятие ее внешней, видимой стороны: возможность материального благополучия (плохая проститутка в дешевом борделе могла зарабатывать, как рабочий средней квалификации, до 40 руб. в месяц (26)) при минимальных затратах труда, красивая, «свободная» жизнь.

В преобладании не местных проституток просматривается общероссийская практика вербовки, когда девушку рекрутировали в одном месте, а затем переправляли в другое (27). В то же время наличие только двух женщин, избравших для себя такой способ заработка в месте проживания, могло свидетельствовать либо о крайне затруднительных жизненных обстоятельствах, либо об определенной испорченности, поскольку в стиле жизни далекого провинциального города, «где каждый знает про другого все решительно; до точности, что и когда он подумал» и «считает своим нравственным долгом залезть к тебе в душу» (28), понятие «репутация» и общественное мнение играли решающую роль.

70,68% женщин верхнеудинских публичных домов были замужем (1907), их средний возраст составил 22 года (1908). Минимальный возраст проституток — 18 лет, максимальный — 36. Семейное положение забайкальских женщин, предлагающих сексуальные услуги, отличался от семейного статуса, например, пе-

тербургских проституток, которые в основном были незамужними — традиция, сохранявшаяся до 1917 г. (29). Как в дореволюционных, так и в современных исследованиях неумение построить семейную жизнь становилось одной из серьезных причин, заставлявших замужних женщин (6,5% в Петербурге или 17,17% в Западной Сибири (30)) проституировать. Это, безусловно, имело место. Для Забайкалья, на наш взгляд, все же основной причиной, заставлявшей женщин выставлять свое тело на продажу в условиях ограниченности поля экономически сильных городов, а следовательно, узости рынка вакансий, были материальные трудности (для сравнения: в 1910 г. лишь 10% столичных проституток занимались этим «по нужде» (31)). По данным «Обзора Забайкальской области за 1907 год», производительность забайкальских предприятий (314 при 6526 рабочих, из них 105 приисков с 2865 рабочими) составила 5 660 004 руб. (59% золотопромышленность), на Селенгинский уезд приходилось всего 80 111 руб. Здесь на 29 предприятиях (в основном мельницы) было занято всего 40 рабочих. В самом же уездном центре насчитывалось 6 казенных и 12 частных лавок при полном отсутствии промышленных предприятий. А если взять в расчет, что и жителей в городе проживало всего 1578, то становится понятным, почему в верхнеудинских домах терпимости 50% составляли женщины из этого уезда (32).

На момент обследования ВПК 10 читинских заведений (1910) в 8 из них (по двум нет сведений) 8,45% женщин находились 2 года, 84,5% — по году, 7% поступили в течение 1910 г. Высокий процент женщин, нанятых в 1909 г., объясняется тем, что 60% домов терпимости было открыто именно в этом году (46% всех женщин, поступивших в заведения в 1909 г.), 20% просуществовали два года, 20% — 3—4 года (33). Последние, как правило, — небольшие японские дома на 5—6 проституток, имевшие незначительное соперничество между собой и находившиеся вне конкуренции среди подобных заведений города. Развитие сети японских домов терпимости стало региональной спецификой Забайкалья и Дальнего Востока как мест локального местопребывания японцев (в Забайкалье в 1913 г. проживало 213 японцев, 96 из них в Чите (34)) и связано, скорее всего, с особенностями отношения к этому виду деятельности. В Японии, как известно, санкционированная властями проституция морального осуждения не встречала и была «вполне дозволенным и весьма доходным делом» (35).

Каковы были условия проживания в заведениях? Их быт и убранство четко оговаривались «*Правилами для проституток...*»: для каждой девушки выделялись особая комната, сухая и светлая (использовать подвальные помещения запрещалось), необходимое количество «носильного и постельного белья», хозяйка обязывалась «давать здоровый сытый стол», освещение, отопление. Женщины, поступавшие в заведение, сдавали свою одежду на сохранение, получая взамен от хозяйки «все необходимое, но не роскошное». Причем «все сделанное содержательницей для публичной женщины: платье, белье, обувь и т.п. остается в собственности», если она «пробыла в доме терпимости не менее года, если же она оставит дом ранее сего срока, то содержательница обязана возратить ей только те вещи, которые проститутка имела до поступления».

Окна заведения, выходящие на улицу, «должны быть постоянно плотно закрыты днем занавесками, а вечером и ночью, когда зажигаются огни — ставнями и шторами из материи, не пропускающей света», женщинам запрещалось «показываться в окнах занимаемых ими квартир в непристойном виде». И, наконец, под строгим запретом находились торговля табаком и вином, игра в карты, кости, шашки и музыка.

На основе описаний публичных домов, составленных ВПК во время осмотра, можно судить, как выглядели эти заведения: одни из них представляли собой дома, разделенные на две части, иногда с капитальной стеной, с двумя входами, комнатами для девиц, двумя комнатами для приема посетителей, кухней (могла быть в отдельном помещении) и помещением для содержательницы. Комнаты/залы для посетителей предназначались для «чистой и черной публики», «в том и другом поставлены пианино, в первом — на стенах ближе к пианино развешены бубны и какие-то аксессуары от костюмов... для увеселения ночной публики на пианино играет тапер, а в костюмах с бубнами поют и пляшут особые солистки и танцовщицы», и общая обстановка в них «очень порядочная». Другие, «по заявлению содержателей, для черной публики и солдат», «судя по обстановке... очень бедны» (36). Все заведения подразделялись на разряды, преобладали дома 2 разряда. Первый публичный дом 1 разряда на 7 девиц открылся в Чите в 1909 г. (37). Не во всех домах соблюдались гигиенические нормы: в доме Молдовара было «7 очень тесных и грязных номеров, в особенности расположенных ближе к черному залу», проститутки «спали по две и по три на одной кровати», всего 12, а в доме Чебыкиной «оба зала и номера содержатся довольно чисто, дом новый, номера просторны... во дворе и около дома соблюдается чистота» (Верхнеудинск).

Нам неизвестно, сколько в забайкальских домах зарабатывали женщины, обслуживая клиентов. По сообщению Д. Бородина, «плата находится в прямой зависимости от внешней обстановки дома, от пышности нарядов проституток, освещения, прислуги и т.д.» и в больших городах колебалась от 50 коп. до 5 руб., но доля проститутки была незначительной ( $\frac{1}{4}$  от получаемого дохода). Однако у владельцев всегда находился способ закабалить их: «если принять во внимание отчаянную скуку проживающих в домах, болезненную склонность к нарядам... забор вещей у хозяйки по страшно высокому тарифу, то в итоге получается, что в большинстве случаев женщины находятся в неоплатном долгу у хозяйки» (38). Теми же методами пользовались и забайкальские содержатели: в протоколе заседания верхнеудинского ВПК (1908) упоминается некто Горелик, содержавший дома на ст. Слюдянка, Зима, Черемхово, закрытые полицией, который «за покупку вещей... берет... невероятные проценты — в три раза против действительной стоимости» их, так же, как и в доме Багачевой, где «поступающие проститутки долго не задерживаются, вследствие совершенного обирания их заработков и неумелого с ними обращения» (39). Вообще взаимоотношения содержательниц и женщин, на них работающих, были далеки от нормальных. Одной из причин ухода женщин

и закрытия домов ВПК были «дерзкое обращение, издевательство и истязания над проститутками». По этой причине, например, было закрыто 2 публичных дома, не раз в делах встречаются записи о хозяйских побоях.

Постоянным спутником повседневной жизни публичных домов был алкоголь. Пренебрегая *Правилами*, хозяева превращали свои заведения в винные склады («Во всем доме, постройках, ларе кухни обнаружены склады разного рода вин»; «Найдены склады вин»), предлагали клиентам азартные игры (40). Естественно, что клиентов, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, карточного азарта, было довольно трудно контролировать. И, несмотря на все уверения претенденток на открытие заведения о соблюдении тишины и покоя, места нахождения домов терпимости превращались в постоянный источник опасности для соседей. Жалобы горожан на «ежедневные разбои и почти несмолкаемый револьверный гул», сопряженный «с риском для жизни от шальной пули», на «кровавые драки, что днем и вечером невозможно по улице пройтись: где всегда происходит без цензурная брань», заставляли сначала полицию и городскую власть, затем ВПК перевести их в специально отведенное место (в 1906—1907 гг. дома «нетерпимости», как написал в заявлении проситель, например в Верхнеудинске, еще располагались в центре города). Но ситуация от этого не менялась. Не отличались добронравностью и служащие домов (дом Молдовара). Они позволяли себе избивать посетителей других домов и вели стрельбу даже днем. По постановлению ВПК «дом за чинимые служащими бесчинства» закрыли в 3-недельный срок». Таким образом, посещение дома терпимости было делом опасным в том числе потому, что здесь могли нанести увечье, и потому, что клиента могли ограбить (41).

Пытаясь определить социальный «портрет» клиентов, мы опять сталкиваемся с некоторыми трудностями: о клиентах из «чистой публики» можно только догадываться. Б.И. Бентовин выделил четыре основных группы посетителей применительно к петербургским публичным заведениям: постоянные клиенты, мужчины, придающие большое значение врачебному надзору, «ленивые» мужчины, случайные посетители, которых становится все меньше из-за переноса домов на окраины (42). Скорее всего, эти категории «покупателей» имели место и в забайкальских домах терпимости, тем более что для большинства, в том числе и отцов семейств, посещение этих заведений не было зазорным проведением досуга. Посетителями низшего разряда становились крестьяне и солдаты, по крайней мере, именно эти две социальные страты фигурируют при различных разбирательствах, постоянными посетителями были карточные и бильярдные шулеры, а также другие подозрительные личности.

Еще одна опасность заключалась в том, что посещение домов терпимости даже при наличии у девиц специальной медицинской книжки, ежемесячных (при необходимости чаще) медицинских осмотров не гарантировало от возможности передачи венерических заболеваний, в том числе и по причине противозаконных действий содержательниц, не желавших тратить деньги на лечение заболевшей проститутки в городских больницах (в 1909 г. на основании сокрытия заболевшей

женщины владелица А.И. Штейнгардт была лишена права не только впредь открывать дома терпимости, но и содержать квартирных одиночек (43)), и причине слабости медицинской базы. В качестве причин уклонения от медицинских осмотров современные исследователи указывают страх потери заработка из-за необходимости пребывания в лечебном учреждении и страх перед процедурой осмотра. «Вместе с тем со строительством железной дороги, увеличением числа рабочего класса, привлечением переселенцев возникает опасность дальнейшего увеличения числа венерических заболеваний в крае», — с озабоченностью писалось в рапорте военного губернатора в МВД (44). Так, если в 1900 г. в области больничная статистика зарегистрировала 514 чел., заболевших сифилисом, 2 из которых умерли, то в 1907 г. сифилитических больных было уже 2004, другими венерическими заболеваниями болели 1174 человека (45). Резкий рост заболеваемости привел к появлению частнопрактикующих врачей-венерологов: в 1908 г. в Чите каждый четвертый врач лечил кожно-венерологические заболевания.

Реальное число забайкальских проституток установить трудно. Если проституток-одиночек, обязанных подчиняться *Правилам*, в Чите было зафиксировано 9 (1909), в Верхнеудинске — 2 (1908), то число тайных проституток не поддавалось подсчетам. Последний тип проституции был широко распространен и вызывал серьезную озабоченность как со стороны ВПК, так и со стороны городских властей. Во-первых, содержательницы заведений и одиночки вносили налог с деятельности, чего не делали тайные проститутки, во-вторых, именно они становились основным источником венерических заболеваний, так как не подвергались систематическим осмотрам врача (по сообщению верхнеудинской газеты «Вестник», в 1913 г. из 21 проститутки, арестованной полицией во время очередного обхода, 5 оказались больными (46)), в-третьих, «обстоятельство это совершенно не дает возможности иметь какое-либо наблюдение за проститутками, как в санитарном отношении, так и в административном».

Рост этого типа проституции был обусловлен приказом военного губернатора Забайкальской области о закрытии домов терпимости в связи с революционными событиями в центре России. В 1907 г. ВПК вынужденно заявил, «что открытие официального дома терпимости крайне необходимо по той причине, что с закрытием в городе... домов терпимости, почти во всех пивных, столовых, мелких лавках и харчевнях появились тайные проститутки» (47).

Выявлению «безбилетных» проституток помогали жалобы горожан, а также содержательниц домов терпимости, несущих определенные убытки. В 1906 г. на основании прошения уличенной в содержании тайных проституток хозяйки меблированных комнат И. Герцман в Верхнеудинске были выявлены около 50 «безбилетниц», а меблированные комнаты «Портсмут», номера «Восток», «Комнаты для приезжающих Одесса», постоялый двор «Байкал» закрыты. В 1907 г. в Верхнеудинске содержательницы трех домов подали коллективное прошение, в котором перечислили пофамильно 8 хозяев 26 тайных проституток, в результате чего полицией «из указанных домов проститутки постепенно выселяются: за два дня удалено 10—11 человек».

Как отмечают авторы исследования «Проституция в Петербурге», тайная проституция, явление четко структурированное, имела несколько каналов распространения: рестораны, кафе, кондитерские и пивные; бани; гостиницы для приезжающих. «Особый контингент лиц, причастных к тайной проституции, составляли хористки, танцовщицы кафешантанов». Не были исключением и забайкальские города.

В 1907 г. шансонетки труппы Б.Д. Файнтена (сценический псевдоним Б. Фокин), выступавшие в городском саду «Эльдорадо», принадлежавшего крестьянам И.В. Секерицкому и Г.Е. Баратошвили, по свидетельству городского врача Афонина, занимались проституцией тайно. Более того, они позволяли себя такую тактику поведения, которая не дозволялось проституткам *Правилами*, «позволяя себе иногда нахальство требовать... выпивки... а также делать предложения поехать в гостиницы или номера». Интересен качественный состав труппы: 3 мещанки, 3 крестьянки, жена дантиста и почетная гражданка, в возрасте от 18 до 37 лет, все уроженки Центральной России. Две из них (мещанки Курска А.О. Борисова и Подольска В.Н. Иванова) в соответствии с контрактом были уволены, поселились в отдельных номерах гостиницы «Метрополь» на содержании ее владельца ялutorовского мещанина И.Д. Шмуклера, продолжая торговать собой. По настоянию Верхнеудинского ВПК бывшие шансонетки выехали в Благовещенск, после чего «других таких дел в гостинице не замечено». В этом же году в номерах для проезжающих «Харбин» проживала бывшая певица ресторана «Франция» (48).

Несмотря на все усилия полиции, ВПК, помощь горожан, неконтролируемая проституция оставалась и развивалась наряду с регламентированной, легальной. По большому счету, жизнь одиночек и тайных девиц, хотя и была свободной, но все же это лишь видимая свобода, они так же зависели от хозяев своих квартир, как женщины в публичных домах.

Общее развитие сервиса удовольствий свидетельствует о признании государством «необходимости» публичных домов, подчиненных особым правилам, что должно было регулировать отношения с обществом, между нанимателем и «работником», ограничивать тайную проституцию. Как показывает практика, работа домов терпимости была далека от законодательных установлений, повсеместно нарушалась содержанием заведений. Основные схемы работы публичных домов в забайкальских городах соответствовали тем, что бытовали в Центральной России, по причине внутрироссийской и внутрисибирской миграции владельцев публичных домов, многие из которых сами в прошлом были проститутками, воспроизводившими формы и методы работы заведений, известные им.

Разрядность заведения определяла сословный состав посетителей и уровень обслуживания. Несмотря на некоторое ускорение темпов развития края в начале XX в. в результате вовлечения отдаленной сибирской территории в общероссийский поток модернизации, прежде всего благодаря Транссибирской магистрали, Забайкалье по-прежнему оставалось аграрно-сырьевым и торговым. Слабое экономическое развитие области и, как следствие, низкая покупательная способность населения привели к преобладанию домов терпимости 2 разряда, рассчитанных на небогатых посетителей.

Полинациональность населения Забайкалья, пребывание здесь постоянно проживавших иностранных подданных привели к формированию сети инонациональных домов терпимости, что выделяет Забайкалье среди других сибирских губерний. Экономический фактор определил и уровень развития «отрасли», по количественному показателю значительно уступавшей западносибирской. Однако в социально-бытовой структуре забайкальских городов начала XX в. на индустрию сексуальных удовольствий приходилось 10,4% в Чите и до 30% в Верхнеудинске. Проституция являлась сугубо городским видом деятельности. Большую роль в развитии и локализации заведений сервиса сексуальных услуг играли местоположение, статус, численность населения, функциональные особенности городского поселения. Из всех забайкальских городов наиболее привлекательными с точки зрения прибыльности и востребованности сексуального бизнеса в начале XX в. были Верхнеудинск — находящийся на пересечении транспортных путей центр одного из экономически развитых уездов Забайкалья с двумя ярмарками — и Чита — административный, военный, культурный центр области, притягивавшие значительные миграционные потоки (в период Рождественской ярмарки население Верхнеудинска увеличивалось на четверть). Проституция же занимала лидирующие позиции по активности роста в сфере услуг: если количество людей, предоставлявших такие услуги, как изготовление одежды и гигиена, в среднем возросло в полтора, то количество «жриц любви», только проживавших в домах терпимости, в пять раз (1897—1910).

Стабильный интерес к данной сфере услуг определялся гендерным неравновесием — традиционным преобладанием количества мужчин над численностью женщин, в том числе и за счет дислокации войсковых подразделений (по городам области мужское население превышало женское в полтора, а в Чите — в два раза). Главным источником пополнения рядов проституток было крестьянское сословие; основной причиной — материальные затруднения, толкавшие молодых, часто замужних женщин на занятия предосудительным заработком, что отличает Забайкалье от других регионов Сибири и России.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Государственное учреждение Национальный архив Республики Бурятия (ГУ НАРБ). — Ф. 121. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 240—298; Д. 300. — Л. 75; Государственное учреждение Государственный архив Забайкальского края (ГУ ГАЗК). — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 145. — Л. 22—24.
- (2) Это одно из множества существовавших определений. Во всей совокупности они характеризовали важнейшие признаки проституции и проститутки: продажность, публичность и профессиональность.
- (3) *Приклонский И.* Проституция и ее организация. — М., 1903; *Окороков В.* Возвращение к честному труду честных девушек. — М., 1888; *Тарновский В.* Проституция и аболиционизм. — М., 1888; *Канкарович И.* Проституция и общественный разврат. — М., 1907; *Бентовин Б.* Торгующие телом. — СПб., 1909; *Бородин Д.* Алкоголизм и проституция. — СПб., 1910.
- (4) *Зоткина Н.А.* Униженные и оскорбленные: быт проституток в борделях провинциальной России (конец XIX — начало XX в.) // <http://www.tambovdem.ru/theses.php?id=genderl.zotkina>

- (5) *Лебина Н.Б., Шкаровский М.В.* Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX — 40-е гг. XX в.). — М.: Прогресс-Академия, 1994. — С. 98—132.
- (6) Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. — СПб., 1904. — LXXIV. Забайкальская область. Табл. XXI. Распределение населения по группам занятий. — С. 114—118.
- (7) ГУ ГАЗК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 277. — Л.15; Д.335. — Л. 62—65.
- (8) ГУ НАРБ. — Ф. 337. — Оп. 1. — Д. 8392. — Л. 9—9 об.; Оп. 2. — Д. 860. — Л. 1.
- (9) ГУ НАРБ. — Ф. 337. — Оп. 2. — Д. 860. — Л. 1, 46, 48, 53; ГУ ГАЗК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 277. — Л. 33.
- (10) ГУ ГАЗК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 277. — Л. 6.
- (11) ГУ НАРБ. — Ф. 337. — Оп. 2. — Д. 633. — Л. 29, 32.
- (12) ГУ НАРБ. — Ф. 337. — Оп. 1. — Д. 8392. — Л. 11; Оп. 2. — Д. 287. — Л. 11.
- (13) *Окорочков В.* Возвращение к честному труду падших девушек // Антология социальной работы: в 5 т. — М., 1995. — Т. 2: Феноменология социальной патологии. — С. 111.
- (14) ГУ ГАЗК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 277. — Л. 16; *Замула И.Ю.* Городская культура и общественный быт Верхнеудинска (1875 — февраль 1917 гг.). — Иркутск: Облмашинформ, 2001. — С. 145.
- (15) ГУ ГАЗК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 277. — Л. 16, 40; ГУ НАРБ. — Ф. 337. — Оп. 2. — Д. 808. — Л. 75.
- (16) ГУ ГАЗК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 419. — Л. 26.
- (17) ГУ НАРБ. — Ф. 337. — Оп. 2. — Д. 663. — Л. 4; ГУ ГАЗК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 277. — Л. 40.
- (18) ГУ НАРБ. — Ф. 337. — Оп. 2. — Д. 287. — Л. 12 об.; Д. 808. — Л. 55.
- (19) *Быкова А.Г.* Проституция в городах Западной Сибири (1880-е — 1917 гг.) // Социологические исследования. — 2000. — № 5. — С. 60.
- (20) ГУ ГАЗК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 153. — Л. 1—14; Д. 277. — Л. 32.
- (21) *Окорочков В.* Возвращение... — С. 116.
- (22) ГУ ГАЗК. — Ф. 26. — Оп. 1.335. — Л. 62—65; Д. 277. — Л. 43—44.
- (23) ГУ НАРБ. — Ф. 337. — Оп. 2. — Д. 808. — Л. 101—104.
- (24) *Жукова Л.А.* Социально-гигиенические аспекты женской проституции в России и СССР (конец XIX — первая четверть XX века) // Вестник дерматологии и венерологии. — 1998. — № 1. — С. 66; *Лебина Н.Б., Шкаровский М.В.* Проституция в Петербурге... — С. 98—132; *Бентовин Б.* Торгующие телом // Антология социальной работы: в 5 т. — М., 1995. — Т. 2: Феноменология социальной патологии. — С. 138.
- (25) *Лебина Н.Б., Шкаровский М.В.* Проституция в Петербурге... — С. 98—132.
- (26) *Зоткина Н.А.* Униженные и оскорбленные.
- (27) Подробнее см.: *Бентовин Б.* Торгующие телом.
- (28) ГУ НАРБ. — Ф. 1778. — Оп. 1. — Д. 119. Письма Танскому. 1904—1905. — Л. 7 об.
- (29) *Лебина Н.Б., Шкаровский М.В.* Проституция в Петербурге... — С. 98—132.
- (30) *Быкова А.Г.* Проституция...
- (31) Там же.
- (32) Обзор Забайкальской области за 1907 год. — Чита, 1908. — С. 33—34, 40; ГУ ГАЗК. — Ф. 19. — Оп. 1. — Д. 123. — Л. 186.
- (33) ГУ ГАЗК. — Ф. 261. — Оп. 1. — Д. 277. — Л. 6, 9—94; Ф. 19. — Оп. 1. — Д. 239. — Л. 58—60; ГУ НАРБ. — Ф. 337. — Оп. 2. — Д. 808. — Л. 101—104.
- (34) Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 102. — 4-е делопроизводство. — 1913. — 21 часть. — Д. 7. — Л. 74.
- (35) *Гришелева Л.Д.* Формирование японской национальной культуры. Конец XVI — начало XX вв. — М.: Наука, 1986. — С. 108.
- (36) ГУ НАРБ. — Ф. 337. — Оп. 2. — Д. 808. — Л. 39; Л. 16 об.

- (37) ГУ ГАЗК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 277. — Л. 16.
- (38) *Бородин Д.* Алкоголизм и проституция // Антология социальной работы: в 5 т. — М., 1995. — Т. 2: Феноменология социальной патологии. — С. 145—146.
- (39) ГУ НАРБ. — Ф. 337. — Оп. 2. — Д. 284. — Л. 18 об., 25.
- (40) Там же. — Д. 808. — Л. 39 об. — 40, 40 об.; ГУ ГАЗК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 277. — Л. 104.
- (41) Там же. — Д. 8657. — Л. 6; ГУ ГАЗК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 116. — Л. 8; Д. 277. — Л. 26.
- (42) *Бентовин Б.И.* Торгующие телом.
- (43) ГУ ГАЗК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 277. — Л. 11.
- (44) Цитируется по: *Мантурова С.Ч.* Государственное призрение и благотворительность в социальной и культурной жизни Забайкалья во второй половине XIX — начале XX вв. — Улан-Удэ, 2005. — С. 181.
- (45) ГУ КАЗК. — Ф. 19. — Оп. 1. — Д. 90. — Л. 22 об; Обзор Забайкальской области за 1907 год... — С. 85.
- (46) Вестник. — 1913. — 2 апр.
- (47) ГУ НАРБ. — Ф. 337. — Оп. 2. — Д. 860. — Л. 3 об.
- (48) Там же. — Л. 41 об., 60, 62 об., 65; Д. 808. — Л. 32 об.

## **THE DEVELOPMENT OF SOCIAL-SERVICE SPHERE IN CITIES OF ZABAİKALIE IN THE BEGINNING OF XX C.**

**T.V. Palikova**

Department of Native Land History  
Buryat State University  
*Smolin Str., 24a, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, 670017*

In the article on the base of regulative documents and some archives materials which did not published before, the prostitution as the specific structure unit of social-service sphere in the cities of Zabaikalie in the beginning of 20<sup>th</sup> is considered.

**Key words:** social-service sphere, Prostitution, structure unit, cities of Zabaikalie, beginning of 20<sup>th</sup> century.